

— А где мои ключи? — Бай Цинцзю повсюду искал, но не находил, и выглядел глупо до крайности.

Мужун Цинь фыркнул, поднял с земли ржавый ключ:

— Маленький сумасшедший, ключ здесь.

Бай Цинцзю бросился grab, но промахнулся и едва не упал. Мужун Цинь подхватил его за талию:

— Хочешь?

— Да-да, хочу.

Мужун Цинь посмотрел на его тонкую, белую и нежную заднюю часть шеи — она была похожа на фарфоровый вазон, который можно разбить легким щипком.

Он появлялся перед ним много раз, крошечный, как пылинка, и Мужун Цинь никогда не обращал на этого человека внимания, но теперь почему-то в душе разгорелся огонь.

Мужун Цинь бросил ключ:

— Держи.

Бай Цинцзю поймал его, одной рукой прижимая к себе грязную одежду Мужун Циня, а другой — беспорядочно сложенные картины:

— Спасибо. Одежду я постираю и верну. Ой, беда, а где же квартира?

Мужун Цинь холодно хмыкнул:

— Не только сумасшедший, но и глупый.

Бай Цинцзю покрутился на месте:

— Похоже, вон там.

— Там спортплощадка, — Мужун Цинь развернул его в другую сторону. — Куда тебе? Я провожу.

— О, это было бы прекрасно! — Бай Цинцзю радостно указал вперед. — Вон туда, недалеко.

— Я подозреваю, ты делаешь это специально.

Бай Цинцзю никогда раньше не шел так долго рядом с Мужун Цинем, крадучись неся картины и не смея издать ни звука. Это было похоже на сон, в голове кружилось.

Подойдя к старому многоквартирному дому, Бай Цинцзю остановился у маленькой деревянной двери, но руки были заняты, и он не мог достать ключ.

Мужун Цинь бросил на него взгляд, думая, что, должно быть, сошел с ума, раз вообще поднялся сюда. Увидев его робость, он просунул руку в карман его брюк.

Что это за штаны, такие узкие и глубокие, сквозь ткань нога казалась такой холодной.

Мужун Цинь долго возился, прежде чем извлечь ключ, затем, прижавшись к его спине, открыл дверь. Бай Цинцзю, зажатый в его объятиях, замер в напряжении, уши и лицо покраснели до мочек.

Мужун Цинь толкнул дверь и с презрением сказал:

— Так тесно.

Бай Цинцзю поставил картины и немного смутившись спросил:

— Вы зайдете посидеть?

— Есть вода?

— Есть!

Бай Цинцзю повернулся искать чайник. Вода, вскипяченная утром, еще не остыла. Он аккуратно подал чашку Мужун Циню, боясь, что разобьет её по дороге.

Мужун Цинь не двигался и не брал чашку. Бай Цинцзю встревожился:

— Чашка чистая, я мою её каждый день.

Мужун Цинь взял чашку, сделал глоток, сглотнул, и капля воды скатилась по уголку губ. Бай Цинцзю невольно встал на цыпочки, приблизился совсем близко и поджал губы.

Дыхание Мужун Циня участилось, он не понимал, что тот задумал. Самое смелое, что Бай Цинцзю делал в жизни — это в этот момент поцеловать Мужун Циня. Вода с уголка губ потекла в сухие губы и рот.

Какая сладкая вода. Бай Цинцзю закрыл глаза, ощущая холодное прикосновение губ, плотно прижатых друг к другу.

В следующий момент его руку крепко схватили. Сила этого захвата заставила его мгновенно очнуться, словно вспыхнул гнев.

Бай Цинцзю резко разжал губы, инстинктивно хотел убежать, но его удержали за талию, лишив возможности пошевелиться. Это точно страшный сон: во сне он поцеловал того, в кого был тайно влюблен, а тот разъярен, словно хочет его съесть.

Мужун Цинь втолкнул его, заставляя отступать. Комната была крошечной, через пару шагов Бай Цинцзю споткнулся об угол кровати и упал.

Глаза Мужун Циня покраснели, тонкие губы были жесткими, силой рук он мог разорвать его на куски.

Бай Цинцзю дрожал от страха:

— Прости, я не нарочно, пусть я скорее проснусь, я не хочу... не хочу больше тебя видеть.

— Не хочешь меня видеть?

Бай Цинцзю замер, прикусил губу и застыдившись кивнул:

— Хочу.

Мужун Цинь никогда раньше не испытывал такого неудержимого импульса. С кем бы то ни было, он всегда действовал по плану и с холодным расчетом. Только этот глупый, как чистый лист, псих заставил его забыть, кто он и зачем здесь.

Мужун Цинь хотел поцеловать его снова, наклонился, но маленький псих уклонился и дрожащим голосом произнес:

— Одного раза достаточно, этого хватит.

Мужун Цинь замер, стиснув зубы. Что он делает? В таком ветхом месте он мог до этого опуститься?

Хм, абсурд.

Мужун Цинь вышел, пообещав себе никогда больше не возвращаться в это место, но невзначай унес с собой его ключ.

Проснувшись, Бай Цинцзю забыл о своем дерзком поступке, решив, что это был сон. Одежда, испачканная краской самых разных оттенков, висела на стуле.

Бай Цинцзю постирал одежду и пришел возвращать, но Мужун Цинь не открыл ему дверь. Он простоял весь день внизу у здания Мужун Циня, пока вечером не увидел, как вышли Мужун Цинь и Ся Юй. Они выглядели довольными, с уверенным видом победителей.

Бай Цинцзю молча ушел. Он знал, что Мужун Цинь одежду не примет, это лишь унизит его.

Лучше не быть шутком, пока тот не оставил рану на сердце, лучше скрыть свой секрет.

«Я люблю тебя. Это самый постыдный секрет в мире».

Проснувшись, Мужун Цинь инстинктивно потянулся обнять человека рядом, но схватил пустоту.

Где же он? На кровати размером в метр двадцать одному человеку тесно, но Мужун Цинь даже смог всю ночь спокойно спать, обнимая его. Он думал, что после этого тот будет послушным, лучше бы вообще не смог встать с кровати, но он снова исчез!

Мужун Цинь пришел в ярость, сел и увидел записку на тумбочке. Аккуратным почерком было написано: «Завтрак на столе, я ушел, не скучай».

Ушел...

У Мужун Циня моментально закипела кровь. Картины, разбросанные по полу, исчезли, комната была чистой, никаких следов вчерашней битвы.

На тумбочке лежал сверток крафт-бумаги. Мужун Цинь открыл его, внутри оказалась пачка красных банкнот. Черт, я переспал с ним, и он хочет заплатить мне?

Мужун Цинь занес руку, деньги зависли в воздухе, так и не грохнувшись на пол, и он опустил их обратно.

Мужун Цинь помассировал переносицу, не в силах совладать с гневом:

— Бай Цинцзю, посмотрим же, куда ты сбежишь.

Бай Цинцзю исчез. Мужун Цинь думал, что он поедет в больницу, несколько дней караулил там, но он так и не появился. Мужун Цинь даже заставил Ся Юя сдать ключи от дома.

Ся Юй взорвался от ярости, тут же разорвал отношения:

— Что ты с ним сделал? Он беременен твоим ребенком, а ты так с ним обращаешься!

— Он беременен моим ребенком?

— Кто еще, кроме тебя? Я люблю его столько лет, даже волосом не рискнул тронуть, а ты...

Мужун Цинь не мог забыть, что сделал, но Ся Юй говорил правду. Такой застенчивый и высокомерный человек, как он, вряд ли стал бы просто так с кем-то...

В любом случае, сначала нужно найти его.

Мужун Цинь и Ся Юй вместе пошли искать его дома, перевернули все вверх дном, но не нашли, словно он испарился.

Через несколько дней Мужун Цинь принял участие в благотворительном аукционе, организатором которого выступал Вэй Чэнъюань. Мужун Цинь ни за что не хотел верить, что Бай Цинцзю с ним, но все же пришел.

И действительно, на аукционе выставили его картины, всего три штуки. По почерку, две были старыми работами, а одна — написана недавно. Начальная цена была самой низкой на аукционе, всего 10 000.

Цену в 10 000 Вэй Чэнъюань согласовал только после многократных уговоров Бай Цинцзю.

В тот день, когда он ушел, тело болело так, будто вот-вот разорвется. Показываться на людях в таком состоянии было очень стыдно.

Он купил упаковку противовоспалительных и заперся в студии. Новые студенты еще не приехали, в школьной студии было никого.

Через три дня Вэй Чэнъюань позвонил и пригласил его встретиться.

Бай Цинцзю не смог отказаться, укутался в одежду, но следы на шее еще не прошли — он не мог показаться на люди.

Вэй Чэнъюань сказал:

— Я планирую уехать с Сяо Линь за границу. Перед отъездом хочу продать коллекцию картин и фарфора, а вырученное пожертвовать детям из горных районов. У тебя остались две картины у меня дома. Если ты сейчас в трудном положении, можешь добавить их на аукцион — они точно продадутся по хорошей цене.

— Я благодарен за ваше доброе отношение, господин Вэй, но мое мастерство поверхностно, вряд ли эти работы достойны большого зала.